

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге Private and Civil Law in the
Russian Federation, William Simons

выходные данные LEIDEN • BOSTON, 2009

перевод стр. с 37 по 45

для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский)

Выполнила:
Черкасова Елена Викторовна,
Аспирант кафедры гражданского права

Астрахань – 2022 г.

**Civil Law According to Russian
Legislation: Developments and Trends.**

Present-day social relationships are regulated according to various branches of law.

Such branches unite mutually connected sets of norms.

Together, such norms guarantee a single legal regime for a specific branch of law, intended for a specific range of relationships assigned to it.

The unity of the regime of a branch of law ultimately reflects the basic considerations expressing the subject of the branch.

The regulation of law according to branches, based on a single subject, allows us to solve many problems arising in the codification of legal norms and their application, and in the process of adopting new norms and the construction of entire institutions.

The importance of regulating law according to branches (including especially such a complex branch as civil law) may be illustrated by the example of analogy, one of the basic instruments for filling gaps in legal regulation.

**Гражданское право в соответствии с
законодательством Российской
Федерации: Выводы и Тенденции.**

Современные социальные отношения регулируются различными отраслями закона.

Такие отрасли тесно взаимосвязаны с множеством норм.

Сообща, такие нормы гарантируют единый правовой режим для каждой отрасли права, предназначенной для определенного круга отношений, установленных для нее.

Единство системы отраслей права, в конечном счете, отражает основные суждения, точно выражающие предмет отрасли.

Регулирование закона в соответствии с отраслями, основанными на одном предмете, позволяет нам решить многие проблемы, возникающие в кодификации правовых норм и их применении, а также в процессе принятия новых норм и создания целых институтов.

Важность регулирования закона по отраслям (в том числе, такой сложной отрасли, как гражданское право) можно проиллюстрировать на примере аналогии, являющейся одним из основных инструментов для заполнения пробелов в правовом регулировании.

<p>This concerns both types of analogy: statutory analogy (<i>analogia legis</i>), as well as analogy of law (<i>analogia iuris</i>).</p> <p>According to Article 6 of the 1994 Civil Code of the Russian Federation, statutory analogy is employed when in relationships not directly regulated by civil legislation—legislation regulating similar relationships is applied, while at the same time an agreement between the parties and a custom of trade are absent.</p> <p>Statutory analogy, however, is only applicable to relationships that can be regarded as belonging to civil law (as defined by Art.2, paras.1 and 2) and which display the characteristics of the subject of civil law.</p> <p>The unity of a branch of law is especially clear in the case of analogy of law.</p> <p>In this connection an innovation contained in the present Civil Code is of singular importance.</p> <p>Previously, the rule concerning analogy of law was not to be found in the Civil Code, but in the Code of Civil Procedure (in this case in Art.10, 1964 Code of Civil Procedure).</p> <p>It directed the court to base its judgment “on the general principles and sense of Soviet</p>	<p>Это касается обоих типов аналогии: аналогии закона (<i>legis</i>), так же, как аналогии права (<i>iuris</i>).</p> <p>В соответствии со статьей 6 Гражданского Кодекса Российской Федерации 1994г., аналогия закона используется, когда отношения не напрямую регулируются гражданским законодательством, а применяются правовые акты, регулирующие сходные отношения, в то же время, как соглашение между компанией и представителем торговли, отсутствует.</p> <p>Аналогия закона, однако, применяется только к тем отношениям, которые могут рассматриваться как относящиеся к гражданскому праву (как определено ст.2, пункты 1 и 2), которые соответствуют характеристикам субъекта гражданского права.</p> <p>Единство отрасли права особенно очевидно в случае аналогии закона.</p> <p>В связи с этим, нововведение, содержащееся в настоящем Гражданском Кодексе имеют исключительную важность.</p> <p>Ранее, правила, касающиеся аналогии закона, не были найдены в Гражданском Кодексе, но в Гражданском Процессуальном Кодексе (в данном случае в ст.10 Гражданского Процессуального Кодекса 1964г.).</p> <p>Эта статья предписывала суду основывать свое решение на общих принципах и смысле</p>
---	--

<p>legislation”, when a rule regulating similar relationships could not be found.</p> <p>This could mean that basic principles of the entire domestic legal system could be applicable to relationships not regulated by concrete civil law norms, irrespective of the fact to which branch of law the relationship in question belonged.</p> <p>To some extent, the 1964 Code had inherited the rule in question from the first Code of Civil Procedure of 1923.</p> <p>The latter Code did not contain a reference to statutory analogy and referred to analogy of law only obliquely in the following words: “If there is no legislation or regulation, the court, in reaching its decision, will be guided by the general principles of Soviet legislation and the general policies of the Government of the Workers and Peasants” (Art.4).</p> <p>Leaving aside the obvious precedence of politics over law, the latter rule—in a similar fashion to the rule contained in the 1964 Code—had no relevance, in filling gaps in the law, to the branch of law to which the relationship in question belonged.</p>	<p>Советского законодательства: когда правила, регулирующие сходные отношения, не могут быть найдены.</p> <p>Это может означать, что основные принципы всей внутренней правовой системы могут быть применимы к отношениям, не урегулированным конкретной нормой Гражданского права, независимо от того, к какой ветви права относится данный вопрос.</p> <p>В какой-то степени кодекс 1964г. унаследовал принципы в вопросе от первого Гражданского Процессуального Кодекса 1923г.</p> <p>Последний Кодекс не содержит ссылки на установленные законом аналогии и называют аналогией закона лишь косвенно в следующих словах: «Если нет законодательства или регулирования, суд, при принятии решения будет руководствоваться общими принципами Советского законодательства и общей политикой правительства рабочих и крестьян» (ст.4).</p> <p>Оставляя в стороне очевидный приоритет политики над правом, последующий принцип-аналогичным образом исходящий из принципа Кодекса 1964г.-не имел никакого отношения к делу заполнения пробелов в законе, в отрасли права, к которой относится данный вопрос.</p>
--	---

<p>In this question, the present Civil Code occupies a different position. Article 6 clearly provides: “ <i>In case of impossibility of use of analogy of statute, the rights and obligations of parties shall be determined proceeding from the general principles and sense of civil legislation</i>”.</p>	<p>В этом вопросе нынешний гражданский кодекс занимает другую позицию. Ст.6 четко предусматривает: «<i>В случае невозможности использования аналогии закона, права и обязанности сторон должны определяться, исходя из общих принципов и смысла гражданского законодательства</i>».</p>
<p>Similar norms may be found in the new civil codes of Kazakhstan (Art.5), Uzbekistan (Art.5), and Kyrgyzstan (Art.5).</p>	<p>Аналогичные нормы могут быть найдены в новых Гражданских Кодексах Республики Казахстан (ст.5), Узбекистан (ст.5) и Кыргызстан (ст.5).</p>
<p>Only the Civil Code of Georgia (Art.5) contains a reference to the “general principles of law”.</p>	<p>Только Гражданский Кодекс Грузии (ст.5) содержит ссылку на «общие принципы права».</p>
<p>The definition of an object of civil law may be formulated, in principle, on the basis of the norms adopted on its account.</p>	<p>Определение предмета гражданского права может быть сформулировано в принципе, на основе норм, принятых для того, чтобы объяснить его.</p>
<p>Such norms can be found especially in the general part of the Civil Code, which constitutes the basic feature of the pandectist system.</p>	<p>Такие нормы могут быть обнаружены особенно в общей части Гражданского Кодекса, которые представляет собой общие черты пандектной системы.</p>
<p>However, even in countries which have adopted civil codes embracing the pandectist system, such a possibility is by no means always utilized.</p>	<p>Тем не менее, даже в тех странах, которые приняли Гражданские Кодексы, включающие пандектную систему такая возможность далеко не всегда используется.</p>

<p>All three civil codes of Russia (of 1922, 1964 and 1994) have adopted the pandectist system, with a separate general part.</p>	<p>Все три Гражданских Кодекса России (1922г., 1964г., 1994 г.) приняли пандектную систему, с отдельной общей частью.</p>
<p>The civil codes of the countries of the CIS, adopted during the last decade, as well as the Model Civil Code of the CIS, all have a separate general part.</p>	<p>Гражданские Кодексы стран СНГ, принятые в течение последнего десятилетия, так же как модель Гражданского Кодекса СНГ все имеют отдельную общую часть.</p>
<p>In this respect the doctrinal approaches to the definition of the branch of law concerned, based on an analysis of its most important norms, acquire great significance.</p>	<p>В этом отношении доктринальные подходы к определению отрасли права основаны на анализе наиболее важных норм и приобретают огромное значение.</p>
<p>This is illustrated by pre-Revolutionary civil law literature.</p>	<p>Это иллюстрируется дореволюционной литературой Гражданского права.</p>
<p>As is well known, there was no general civil law codification in Russia at that time.</p>	<p>Как известно, не было никакой общей кодификации Гражданского права в России того времени.</p>
<p>The draft civil code (Grazhdanskoe Ulozhenie)—work on which had started already around the end of the nineteenth century—was never adopted, notwithstanding its undoubted merits.</p>	<p>Проект Гражданского кодекса (Гражданское уложение), работа над которым началась уже где-то в конце 19 в., никогда не был принят, несмотря на свои несомненные достоинства.</p>
<p>For this reason already, the legislation of that time failed to provide one with a direct answer to the question concerning the object</p>	<p>По этой причине уже законодательство того времени было не в состоянии обеспечить</p>

of civil law—although there was a clear need for such an answer, even outside the framework of substantive law.

Article 1 of the 1864 Russian Statute on Civil Procedure (Ustav Grazhdanskogo Sudoproizvodstva), in force at that time, provided that “any dispute concerning civil law is subject to adjudication by a court”.

On the basis of this provision, for instance, the Senate ruled that a teacher’s claim against a local government for payment of his wages and the claim of an official against the city administration (his former place of work) for restitution of payments made by him to the pension fund, on account of his dismissal, were not to be dealt with by a court but through administrative proceedings.

The Senate referred in these cases to the special position of the claimants, to the fact that a local government was a representative of public power (in the first case), and to the fact that the pension law was an act of public law (in the second case).

единственный прямой ответ на вопрос о предмете Гражданского права, хотя была явная необходимость такого ответа, даже за пределами независимого закона.

Ст.1 Российского Устава Гражданского Процессуального Кодекса (Устав Гражданского Судопроизводства) 1864г., действительного в то время, предусматривает, что «любой спор о Гражданском праве подлежит вынесению судебного решения».

На основании этого положения, например, Сенат постановил, что иск учителя против местного правительства о выплате заработной платы и иск чиновника против городской Администрации об увольнении (на его прежнем месте работы) и о возмещении платежей, выплаченных им Пенсионный фонд, не должны рассматриваться судом, но административным производством по делу.

Сенат упомянул в этих случаях особое положение истцов, тот факт, что местное правительство было представителем в общественной власти (в первом случае) и тот факт, что пенсионный закон был актом общественного права (во втором случае).

<p>Both decisions were critically discussed by G.F. Shershenevich in his Uchebnik rossiiskogo grazhdanskogo prava, 10th ed., Moscow 1912, 2-3.</p> <p>Such a practice was widespread.</p> <p>For an extensive list of such decisions, see A.M. Guliaev, Russkoe grazhdanskoe pravo, St. Petersburg 1913.</p> <p>Ulpian's division of law into private and public served as the general principle in the civil law doctrine of pre-Revolutionary Russia, which took the specific branch of law as its starting-point.</p> <p>At the same time, there were significant differences in the views of various authors concerning the borderlines between these branches and, accordingly, between the objects of each of them.</p> <p>First of all, one group only considered material (financial) relationships as the object of civil law.</p> <p>This meant that immaterial relationships remained outside the framework of civil law.</p>	<p>Оба решения были критически обсуждены Г.Ф. Шершеневич в ее учебнике Российского Гражданского права, 10 изд., Москва, 1912г., 2-3.</p> <p>Такая практика была широко распространена.</p> <p>Для расширенного перечня таких решений см. А.М.Гуляев, Русское Гражданское право, Санкт-Петербург, 1913г.</p> <p>Правовое подразделение Ульпиана в частной и общественной жизни служило в качестве общего принципа в доктрине дореволюционного Гражданского права в России, которая приняла специфическую ветвь права в качестве отправной точки.</p> <p>В то же время были существенные различия во взглядах разных авторов относительно границ между этими отраслями, и, соответственно, между предметами каждой из них.</p> <p>Прежде всего, одна группа рассматривала лишь материальные-(финансовые) отношения как объект Гражданского права.</p> <p>Это означало, что нематериальные отношения остались за рамками Гражданского права.</p>
--	---

This idea was expressed in particular in the works of K.D. Kavelin, including the study published in 1864 under the unambiguous title *Chto est' grazhdanskoe pravo i gde ego predely?* (What Is Civil Law and Where Are its Borders?).

One of its basic propositions was that in civil law “all indicated legal relationships have as their object material, financial values in the form of physical things, rights and services”.

It is obvious that—in a logical development of this point of view— immaterial relationships, especially family relationships, imbued with personal elements, would find themselves outside civil law.

A special position was occupied by K.I. Malyshev.

Acknowledging that material relationships constituted the only object of civil law, he nevertheless gave a very broad content to this concept.

In the same vein he proposed that “this concept covers any interest, capable of being expressed objectively and of being an object

Эта идея была выражена, в частности, в работах К.Д.Кавелина, включая исследования, опубликованные в 1864г. под недвусмысленным названием «Что есть Гражданское право и где его пределы?» (Что такое Гражданское право и где его границы?).

Одним из ее основных положений было то, что в гражданском праве "все указанные правовые отношения имеют в качестве исходного материала, материальных ценностей в виде физических вещей, прав и услуг".

Очевидно, что в логическом развитии этой точки зрения нематериальных отношений, особенно семейных отношений, проникнутые личными элементами, оказались бы за пределами гражданского права.

Особую позицию занял К.И.Малышев.

Признавая, что материальные отношения представляют только объект Гражданского права, он все же дал очень расширенное содержание этого понятия.

В том же ключе он предположил, что «это понятие покрывает любой интерес, способный быть объективно выраженным и

of private law, and it therefore also embraces in its wide sense personal civil relationships and therefore the entire field of possible private legal relationships”; K.I. Malyshev, Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii, St. Petersburg 1878, 2.

Similar views were developed, in particular by Professor Meier, who came to the conclusion that “the doctrine of civil law is to be determined by the doctrine concerning the law of things [imushchestvennoe pravo]”.

Of special interest in this connection are his views on the nature of family law.

Meier considered that “the institutions of family relations are alien to the sphere of civil law”.

D.I. Meier, Russkoe grazhdanskoe pravo, St. Petersburg 1897, 2.

Accordingly, he proposed to divide these relationships among canon law (which dealt mainly with the conditions of concluding and dissolving marriages and public [state] law. The latter was supposed to regulate questions regarding guardianship and curatorship, as well as relations between parents and children.

является объектом частного закона, и таким образом, он также включается в его широкий спектр личных гражданских отношений и, следовательно, во все поле возможных частных правовых отношений», -К.И. Малышев «Курс общего Гражданского права России», Санкт-Петербург, 1878г.2

Подобные взгляды были разработаны, в частности, профессором Мейером, который пришел к выводу, что «доктрина Гражданского права должна быть определена доктриной закона вещей [имущественное право]).

Особенный интерес в этой связи представляют его взгляды на природу семейного права.

Мейер считает, что «институты семейных отношений чужды сфере Гражданского права»

Д.И. Мейер «Русское Гражданское право», Санкт-Петербург, 1897г.2

В связи с этим, он предложил разделить эти отношения среди канонического права, которое определяет главным образом условия завершения расторжение браков) и общественный [«Государственный»] закон.

<p>Observing that “the legal aspect of the relations between parents and children is expressed mainly in parental power”.</p> <p>Meier considered that “it would be appropriate to refer it [parental power] to state law [gosudarstvennoe pravo]”.</p> <p>The most widespread point of view remained nevertheless the position of those who considered it impossible to limit the object of civil law to mere material relationships.</p> <p>This implied that it was considered inevitable to include personal relationships in the object of civil law, along with material (property, imushchestvennye) relationships.</p> <p>E.g., K.N. Annenkov, <i>Sistema russkogo grazhdanskogo prava</i>, St. Petersburg 1899, 31 ff.; G.F. Shershenevich, <i>Uchebnik rossiiskogo grazhdanskogo prava</i>, 10th ed., Moscow 1912, 7 ff.</p> <p>In this way any doubts concerning the possibility of civil law also embracing family relationships were removed.</p>	<p>Последний был призван урегулировать вопросы, касающиеся опеки и попечительства, а также отношений между родителями и детьми.</p> <p>Отметив, что «правовой аспект отношений между родителями и детьми выражается главным образом в родительской власти».</p> <p>Мейер считает, что было бы целесообразно передать ее (родительскую власть) Государственному праву [Государственное право].</p> <p>Наиболее распространенной точкой зрения оставалась, однако, позиция тех, кто считал невозможным ограничить объект Гражданского права для простых материальных отношений.</p> <p>Это означало, что считалось обязательным включение личных отношений в предмет Гражданского права наряду с материалом (собственности, имущественные) отношений.</p> <p>Ред. К.Н. Анненков, <i>Системы Гражданского Русского права</i>, Санкт-Петербург, 1899, 31 и далее Г.Ф. Шершеневич, <i>учебник Российского Гражданского права</i>, 10 изд., Москва, 1912 г.</p>
--	---

Moreover, one did not feel prevented from regarding personal relationships of all different kinds as civil relationships.

The views of Professor Pokrovskii may serve as an example.

What we have in mind is certain statements to be found in his work *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava*, Petrograd 1917, 104.

He proposed to start from the general tendency in the history of mankind towards an increasing complexity of human existence.

He pointed out that as the human personality developed, his interests became more complex, and this in turn led to the need to have the scope of civil law embrace also the right to one's name, to the protection of one's private life, and to the protection of the individual's existence against invasion by other persons.

Pokrovskii regarded the maximum protection of human interests as the purpose of civil law and, following Professor Shershenevich, he therefore specifically included the so-called exclusive rights among the other immaterial rights covered by civil law: rights which have as their object the intellectual ownership

Таким образом, ликвидируются любые сомнения, касающиеся возможностей Гражданского права, также охватывающего семейные отношения.

Более того, никто не чувствовал, что его оберегают от вмешательства в личные отношения различных видов, как Гражданских отношений.

Взгляды профессора Покровского могут служить примером.

То что мы имели в виду, - определенные высказывания, которое можно найти в его работе. Основные проблемы Гражданского права, Петроград, 1917, 104.

Он предложил начать с общей тенденции в истории человечества в сторону усложнения человеческого существования.

Он отметил, что с тех пор, как человеческая личность развивается, ее интересы становятся все более сложными, и это, в свою очередь приводит к необходимости иметь сферу влияния Гражданского права. Такие как право на имя, на защиту частной жизни, а также на защиту жизни индивидуума от вторжения других лиц.

<p>arising especially in connection with “the creation of a work of literature, the painting of an artist, or a scientific or technical discovery”.</p> <p>On a wider plane, this was all connected with the affirmative answer to a question to which Roman law replied negatively: the possibility of the existence in civil law of immaterial (non-financial) obligations.</p> <p>Pokrovskii of course approved of the first step taken in this direction by Article 28 of the Swiss Civil Code, which specifically protected personal rights.</p> <p>A similar idea had been inserted from the very beginning in the draft Civil Code of Russia.</p> <p>Already its very first article, as observed above, was supposed to provide that “everybody is considered to be free to have and to acquire civil law rights, personal as well as material, from the day he is born“.</p> <p>The draft included at the same time family law as an inherent part of the code, and</p>	<p>Профессор Покровский рассматривал максимальную защиту человеческих интересов как цель Гражданского права и, следуя профессору Шершеневичу, он поэтому специально включил эксклюзивные права среди других нематериальных прав, предусмотренных Гражданским законодательством: права, имеющие своим объектом интеллектуальную собственность, возникающую особенно в связи «с созданием литературных произведений, живописи художника или научно-технического открытия».</p> <p>В более широком плане все это было связано с утвердительным ответом на вопрос, на который Римское право ответило отрицательно: возможность существования в Гражданском праве нематериальных (нефинансовых) обязательств.</p> <p>Покровский, конечно, одобрил первый шаг, сделанный по направлению к статье 28 Гражданского кодекса Швейцарии, который особенно выступал в защиту персонального права.</p> <p>Подобная идея была с самого начала внедрена в Гражданский кодекс России.</p> <p>Уже с первой статьи, как было отмечено выше, было предложено предусмотреть,</p>
---	--

<p>provided specifically for copyright and patent law.</p> <p>Once the separate existence of public and private law had been recognized, it became necessary to distinguish between the two.</p> <p>In this respect, different views were put forward. Two of them in particular were discussed by Shershenevich.</p> <p>He observed that some based the distinction on “substantive” elements, while others opted for something quite different, “procedural” elements.</p> <p>The former took the difference in interests as the starting-point, juxtaposing private and public interests, while for the latter the criterion was not what was being defended, but how such defense was effected: in public law the initiative to defend the protected interests should belong to the state and should be exercised independently from, and possibly even against, the interests of the party affected.</p> <p>In private law the initiative would unquestionably belong to the party affected.</p>	<p>«что каждый является свободным иметь и приобретать Гражданские законные права, личные, так же, как материальные, со дня, как он родился».</p> <p>Проект включал в то же время семейное право в качестве неотъемлемой части кодекса, и прямо предусматривался для авторского и патентного права.</p> <p>После того, как было признано отдельное существование публичного и частного права, возникла необходимость различать эти два понятия.</p> <p>По этому поводу были выдвинуты различные точки зрения. Две из них, в частности, рассмотрены в работах Шершеневича.</p> <p>Он отметил, что некоторые заостряют внимание на «материально-правовых» элементах, в то время, как другие смотрят совершенно на другое: «процедурные элементы».</p> <p>Первые взяли за отправную точку разницу в интересах, сопоставляя частные и общественные интересы, в то время, как для других главным критерием было не то, что защищается, но как такая защита была проведена: в публичном праве инициатива защиты интересов должна исходить от</p>
---	---

Shershenevich himself supported the former position. In the end he therefore reached the conclusion that: “civil law consists of the totality of legal norms which determine private relationships between individual members of society.

The scope of civil law is therefore determined by two factors: (1) private persons, as subjects of relationships, and (2) private interest, as the contents of the relationships.”

The views of Malyshev were close to those of Shershenevich.

Malyshev considered the difference between the two branches to be in their objects: for public law “this is the organization and administration of the state, the relationships between the state and its subjects, as well as foreign relations. while civil law is concerned with personal/property competences” (K.I. Malyshev, Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii, St. Petersburg 1878, 1-8).

The same goes for the views of Vas’kovskii, who held that civil or private law in an objective sense was to be defined as “the totality of norms which determine the mutual relationships of people in their private lives,

государства и должна осуществляться независимо от, и, возможно, даже против, интересов участвующей группы.

В частном праве инициатива, несомненно, принадлежала бы группе пострадавших.

Шершеневич сам поддерживает первую позицию. В конце концов, он именно поэтому приходит к выводу, что «Гражданское право состоит из совокупности правовых норм, определяющих частные отношения между отдельными членами общества.

Сфера Гражданского права поэтому определяется двумя факторами: (1).частные лица, как субъекты отношений и (2)частный интерес, как содержание отношений».

Взгляды Малышева были близки в этом к Шершеневичу.

Малышев полагал, что разница между двумя ветвями находится в их объектах: для публичного права «это организация и управление государством, взаимоотношение между государством и его подданными, так же, как международные отношения. в то время, как в компетенции Гражданского права личные и имущественные отношения»

and in a subjective sense—the measure of power and liberty granted to individual persons in this sphere”(E.A. Vas’kovskii, *Uchebnik grazhdanskogo prava*, part 1, St. Petersburg, 1894, 2).

One of the few opponents of a division of law into public and private, based on the interest criterion, was Gambarov.

He argued that: “not only public [publichnye], but also private interest are public [obshchie].

The difference between the two branches is only in the degree to which the public interest is expressed.” The distinguishing criterion was therefore quantitative, rather than qualitative (Iu.S. Gambarov, *Kurs grazhdanskogo prava, chast’ obshchaia*, St. Petersburg 1912, 40-47).

The first Russian Civil Code (1922) was adopted under, and operated in, conditions in which Ulpian’s idea of the existence of two different branches of law—public and private—had been rejected at the highest level and in the most resolute way.

(К.И.Малышев, *Курс общего Гражданского права России*, Санкт-Петербург, 1878, 1-8).

То же самое касается взглядов Васьковского, который установил, что Гражданское или частное право объективном смысле должно быть определено как «совокупность норм, управляющих взаимоотношениями людей в их личной жизни, а в субъективном смысле-мерой власти и свободы, предоставленных индивидуумом в этой сфере». (Э.А.Васьковский, *Учебник Гражданского права, часть 1*, Санкт-Петербург, 1894, 2).

Один из немногих противников разделения права на государственное и частное, основанного на критериях интересов, был Гамбаров.

Он утверждал, что «не только общественный, [публичный], но также частный интерес является общественным [общий].

Разница между двумя ветвями только в той степени, в которой выражен общественный интерес». «Отличительный критерий носит, поэтому, лишь количественный, а не качественный характер». (Ю.С.Гамбаров, *Курс Гражданского права, Часть общая*, Санкт-Петербург, 1912, 40-47).

According to Lenin's well-known statement: "We do not recognize anything as private, for us anything in the field of economics belongs to public law, and not to private law."

The Civil Code itself did not express itself explicitly on the matter of the object of civil law. The Code in fact reiterated the first article of the (prerevolutionary) Statute on Civil Procedure (quoted above); its Article 2 provided: "Disputes concerning civil law are resolved by the courts."

To this was only added that "relationships concerning land, relationships arising from the hire of labor and family relationships will be regulated by a separate code of law" (Art.3.).

The latter norm gave rise to several diverging interpretations. In the dominant view in legal literature it was regarded as a direct indication of the recognition of land law, labor law and family law as independent branches of law, similar to civil law; only much later, in respect of family law, did doubts arise which led some authors to the firm conviction that family law was actually a part of civil law.

Первый Гражданский кодекс России (1922) вошел в силу и работал в условиях, в которых идея Ульпиана о существовании двух различных ветвей закона- государственного и частного-была отклонена на высшем уровне и самым решительным образом.

Согласно хорошо известному высказыванию Ленина: «мы ничего не признаем, как частное, для нас все в области экономики относится к публичному праву, а не к частному».

Сам Гражданский кодекс не выразился ясно по данному вопросу объекта гражданского права. Кодекс фактически повторил первую статью (дореволюционного) Положения о Гражданской процедуре (процитированную выше); его статья 2 предусматривает: "Споры, касающиеся гражданского права, разрешаются в судебном порядке".

К этому лишь можно добавить, что "отношения по поводу земли, отношения, возникающие из найма трудовых и семейных отношений, будет регулироваться отдельным кодексом права" (ст .3.).

Bratus', *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* Part 1, Moscow 1938, 8-9; Iu.K. Tolstoi, "O teoreticheskikh osnovakh kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva", *Pravovedenie* 1957 No.1, 46; S.I. Landkof, *Osnovi tsyvil'nogo prava*, Kiev 1948, 5 ff.

The authors (D.M. Genkin, I.B. Novitskii and N.V. Rabinovich) of the voluminous *Istoriia sovetskogo grazhdanskogo prava* (1917-1947), Moscow 1947, included the history of family law, without any attempt to regard it as something separate, together with the history of the law of property, contractual obligations and inheritance law (390 ff.).

The views of Professor Ioffe showed some evolution over the years. Initially he considered family law as a part of civil law, but only in the sense of an educational discipline (cf. O.S. Ioffe, *Sovetskoe grazhdanskoe pravo*, Leningrad 1957, 15). Later on, he argued in favor of the necessity of including family law as a special subdivision in civil law (cf. especially O.S.

Последняя норма породила несколько расходящихся интерпретаций.

Доминирующая точка зрения в юридической литературе рассматривает прямое указание на признание земельного права, трудового права и семейного права в качестве самостоятельных ветвей права, подобно Гражданскому праву; только гораздо позже в отношении семейного закона возникли сомнения, которые привели некоторых авторов к твердому убеждению, что семейное право было на самом деле частью гражданского права

Братусь, *Советское Гражданское Право* Часть 1, Москва 1938, 8-9; Ю.К. Толстой, "О теоретических основах кодификации гражданского законодательства", *Правоведение* 1957 № 1, 46; Ландкоф С.И., *Основы гражданского ПРАВА*, Киев 1948, 5 и далее.

Авторы (ДМ Генкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович) из объемистого советского гражданского права (1917-1947), Москва, 1947 г. включали историю семейного права, без какой-либо попытки рассматривать его как нечто отдельное, вместе с историей закона собственности, договорных обязательств и права наследования (390 сл.).

Ioffe, *Sovetskoe grazhdanskoe pravo*, Moscow 1967, 38).

There were, however, many opponents of the idea, in other words—advocates of the independence of family law, among them especially V.A. Riasentsev, (ed.) (*Sovetskoe semeinoe pravo*, Moscow 1982, 11 ff.), G.K. Matveev (*Semeinoe pravo*, Moscow 1985, 34), and V.A. Tarkhov (*Sovetskoe grazhdanskoe pravo*, Saratov 1991, 15 ff.).

The unconditional rejection of a distinction between public and private law resulted in the necessity of using not only the object, but also the method of regulation as a means to individualize civil law and other branches of law.

The combination of these two independent criteria served as the starting-point for separating, on the one hand, civil law, land law, and family law, and, on the other, constitutional, administrative, financial, criminal and procedural (criminal as well as civil) law.

Взгляды профессора А. Ф. Иоффе претерпели постепенное изменение на протяжении многих лет. Первоначально он считал семейное право частью гражданского права, но только в смысле образовательной дисциплины (ср. Иоффе, *Советское, Гражданское ПРАВО Ленинград 1957*, 15). Позже он высказался в пользу необходимости включения семейного права в качестве специального подразделения в гражданское право (ср. специально А. Ф. Иоффе, *Советское Гражданское Право, Москва 1967*, 38).

Были, однако, многие противники идеи, другими словами - сторонники независимости семейного права, среди них особенно В.А. Рязанцев, (под ред.) (*Сов Семейное право, Москва 1982*, 11 сл.), Г.К. Матвеева (*Семейное право, Москва 1985*, 34), и В.А. Тархов (*Сов Гражданское Право, Саратов 1991*, 15).

Безусловный отказ от разграничения публичного и частного права привел к необходимости использования не только объекта, но и метода регулирования в качестве средства индивидуализации гражданского права и других ветвей права.

The second Russian Civil Code (1964) was preceded by another statute: the 1961 Principles (Osnovy) of Civil Legislation of the USSR and the Union Republics. According to the Constitution of the USSR, the Civil Code had to conform completely to these Principles.

Nevertheless, in the question considered here—concerning the object of civil law—a significant difference arose between the Principles and the Civil Code.

The Principles (Arts.1 and 2) defined the contents and the limits of civil law as such, while the Code combined the provisions concerned in a statement of the contents and action radius of the Code itself, neglecting the fact that for all its importance the Code is and will always remain a part, albeit the basic part, of civil legislation (civil law).

With regard to the object of civil law, the Principles distinguished between four different elements (this applied also, with some reservations, to the Civil Code).

First of all, three kinds of regulations were recognized as being regulated by civil legislation (the Civil Code): property

Сочетание этих двух независимых критериев послужили отправной точкой для отделения, с одной стороны, гражданского права, земельного права, и семейного права, а, с другой стороны, конституционного, административного, финансового, уголовного и процессуального (уголовного, также как гражданского) права.

Второму Гражданскому кодексу России (1964 г.) предшествовал другой закон: Принципы (основы) гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961. В соответствии с Конституцией СССР, Гражданский кодекс должен был полностью соответствовать этим Основам.

Тем не менее, в этом вопросе, рассматриваемом здесь, в отношении объекта гражданского права, возникли существенные различия между Основами и Гражданским кодексом.

Основы (ст.1 и 2) определили содержание и пределы гражданского права как такового, в то время как Кодекс объединил соответствующие положения, относящиеся к утверждению содержания и границ действия самого Кодекса, без учета того факта, что при всей своей важности Кодекс является и всегда будет оставаться частью,

relationships, non-property personal relationships connected with them, and also other non-property personal relationships.

With regard to the latter, a reservation was made: such relationships were regulated by civil law only where specifically provided by law (Art.1, para.2, Principles; Art.1, RF Civil Code).

Moreover, in the Principles and the Civil Code an explicit statement appeared for the first time that the rules of civil law (the Civil Code) did not apply to property relationships based on the administrative subordination of one party to another, or to fiscal and budgetary relationships (Art.2, para.3, RF Civil Code).

Finally, both statutes repeated the statement already contained in the RF Civil Code of 1922 to the effect that family, labor and land relationships were regulated by resp. family, labor and land legislation (Art.2, para.8, RF Civil Code).

This legal regime was extended in 1987 to mining, water and forestry relationships,

хотя и основной частью, гражданского законодательства (Гражданского права).

Что касается объекта Гражданского права, Основы разделились на четыре различные элемента(это относится также, с некоторыми оговорками, к Гражданскому кодексу).

Прежде всего, было признано, что три вида правил регулируются Гражданским законодательством (Гражданским кодексом): имущественные отношения, неимущественные личные отношения, связанные с ними, а также другие неимущественные личные отношения.

Что касается последнего, то была сделана оговорка: такие отношения регулируются гражданским законодательством только в случаях, специально предусмотренных законом (ст.1 пункт 2, принципов; ст.1, ГК РФ).

Кроме того, в Основях и Гражданском кодексе впервые появилось четкое заявление, что нормы гражданского права (Гражданский кодекс) не распространяются на отношения собственности, основанные на административном подчинении одной стороны другой, или в фискальных и

<p>which were to be regulated by special legislation for the three subjects concerned.</p> <p>The norms mentioned were of no particular influence on the accepted system of branches of law.</p> <p>After the adoption of the Principles in 1961 and the subsequent adoption of the Civil Code in 1964, the most generally accepted view among the authors was that family, labor and land law (and, after 1987, also environmental law) existed as separate branches of law, parallel to civil law, and alongside state, financial and administrative law, considered as part of public law in those days.</p>	<p>бюджетных отношениях (ст.2, пункт 3, Гражданского кодекса РФ).</p> <p>Наконец, оба постановления повторили заявление, уже содержащееся в ГК РФ 1922 г. о том, что семейные, трудовые и земельные отношения регулировались соответственно семейным, трудовым и земельным законодательствами (ст.2, пункт 8, Гражданский кодекс РФ).</p> <p>Этот правовой режим был распространен в 1987 году на добычу полезных ископаемых, водных и лесных отношений, которые должны были регулироваться специальным законодательством для трех заинтересованных субъектов.</p>
<p>The impossibility of applying the norms of civil law was explicitly restricted to property relationships based on the administrative subordination of one party to another, as well as fiscal and budgetary relationships.</p> <p>This allowed the conclusion, through an a contrario argument, that the supplementary application of the norms of civil law to, especially, property relationships that were to be regarded as belonging to family, labour or</p>	<p>Упомянутые нормы не имели особого влияния на принятую систему ветвей права.</p> <p>После принятия Основ в 1961 году и последующего принятого Гражданского кодекса в 1964 году, наиболее общепринятая точка зрения среди авторов та, что семейное, трудовое и земельное права (и, после 1987 года, также экологическое право) существовали как отдельные ветви права, параллельно гражданскому праву, и наряду с государственным, финансовым и административным правом,</p>

<p>land law would be permissible even without a special statutory indication</p> <p>Numerous discussions arose concerning the object of civil law in connection with amendments to the Civil Code.</p> <p>One such discussion concerned the inclusion of personal non-property relationships among the objects of civil law.</p> <p>In this case, Professor Ioffe argued, civil law would be limited to the defense of personal non-property rights, inasmuch as the corresponding relationships could not be an object of regulation by civil law.</p> <p>The explanation was that such relationships were either regulated by other branches of law (e.g., the manner of acquiring and changing a name would be regulated by norms of administrative law), or (as, for instance, in matters of honor and dignity) by their very nature admitted only legal protection but lacked the possibility of legal regulation.</p> <p>See, in particular, O.S. Ioffe, <i>Sovetskoe grazhdanskoe pravo</i>, Leningrad 1967, 12 and, by the same author, "Okhrana chesti i</p>	<p>рассматривались как часть публичного права в те дни.</p> <p>Невозможность применения норм гражданского права была явно ограничена отношениями собственности, основанными на административном подчинении одной стороны другой, а также налоговыми и бюджетными отношениями.</p> <p>Это позволило сделать вывод, из-за контраргумента, что дополнительное применение норм гражданского права, особенно к отношениям собственности, которые должны были рассматриваться как принадлежащие к семейному, трудовому или земельному праву, было бы допустимо даже без специального обязательного указания.</p> <p>Многочисленные дискуссии в отношении объекта гражданского права возникли в связи с поправками в Гражданском кодексе. Одно из таких обсуждений касалось включения личных неимущественных отношений в объекты гражданского права. В этом случае, профессор А. Ф. Иоффе утверждал, гражданское право было бы ограничено в защите личных неимущественных прав, поскольку соответствующие отношения не могут быть</p>
---	--

dostoinstva grazhdan”, Sovetskoe gosudarstvo i pravo 1962 No.7, 62. The views of Tarkhov were virtually the same. Arguing that the regulation of non-property relationship, not connected with property relationships, would be a matter for constitutional (state) law, he also pointed out that the Civil Code merely protects personal non-property rights (V.A. Tarkhov, *Poniatie grazhdanskogo prava*, Saratov 1987, 70 ff.).

The same views were expounded by him in the textbook *Sovetskoe grazhdanskoe pravo*, Saratov, 1991, 8. Agarkov also used the concept of “defense” with reference to certain non-property rights which “although strictly speaking personal rights, were protected as rights to certain [immaterial] goods [blaga] against anything and anyone (so-called absolute rights)” (M.M. Agarkov, “Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava”, *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* 1940 No.8-9, 66).

Another position, also widely developed in the legal literature, was advocated by Fleishits and Makovskii (“Teoreticheskie voprosy kodifikatsii sovetskogo grazhdanskogo zakonodatel’sstva”, *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* 1963 No.1, 87), by Chigir (*Grazhdanskoe pravo BSSR*, Minsk

объектом регулирования гражданского права.

Было принято объяснение, что такие отношения или регулируются другими отраслями права (например, порядок приобретения и изменения имени будет регулироваться нормами административного права), или (как, например, в вопросах чести и достоинства) самой их природой допускается только правовая защита, но не хватало возможности правового регулирования.

См, в частности, А. Ф. Иоффе, *Сов Гражданское Право*, Ленинград 1967, 12 и того же автора, “охрана чести достоинства граждан”, *Сов государство и № 7, 1962 и право*, 62. Взгляды Тархова были практически такими же. Рассуждая о том, что регулирование отношений неимущественного, не связанных с отношениями собственности, будет вопросом для конституционного (государственного) права, он также отметил, что Гражданский кодекс просто защищает личные неимущественные права (В. А. Тархов, *Понятие гражданского права*, Saratov 1987, 70 сл.).

Те же взгляды были изложены им в учебнике *Советское Гражданское право*

1975, 8) and others. These authors held that civil law not only protected but, also, regulated personal non-property relationships.

Further steps in the codification of civil law were connected with the drafting of the Principles of Civil Legislation of 1991 (it is to be noted that the Principles remained in force until they were superseded by the new 1994 RF Civil Code). The Principles of 1991 took over the formula from the 1961 Principles and the 1964 RSFSR Civil Code that:

“The civil legislation does not apply to property relationships based on the administrative or other public law subordination of one party to another, including fiscal and other budgetary relationships [...].”

At the same time, Article 1, para.3 provided:

“Civil law applies to family and labor relationships and to relationships concerning the utilization of natural resources and the protection of the environment, possessing the characteristics indicated in point 1 of this provision, where these relationships are not regulated by respectively family or labor

,Саратов 1991, 8. Агарков также используется понятие "защиты" со ссылкой на определенные неимущественные права, "хотя, строго говоря личные права, были защищены как права [несущественные] товары [блага] вопреки чему-либо и кому (так называемые абсолютные права)"(М. М. Агарков,"Предмет и система советского гражданского права », Советское государство и 1940 No.8-9 и право, 66).

Другая позиция, а также широко развитая в юридической литературе, выступили за Флейшитс и Маковского («Теоретические вопросы кодификации советского гражданского законодательства", Советское государство и право 1963 № 1, 87), по Чигирь (Гражданское право БССР, Минск 1975 , 8) и другие. Эти авторы считали, что гражданское право не только защищало, но, кроме того, регулировало личные неимущественные отношения

Дальнейшие шаги в кодификации гражданского права были связаны с подготовкой проекта Основ гражданского законодательства 1991 года (следует отметить, что Принципы оставались в силе до тех пор, пока они не были заменены новым 1994 ГК РФ). Принципы 1991 года приняли формулу Основ 1961 и Гражданского кодекса РСФСР 1964:

legislation, or the legislation concerning the utilization of natural resources and the protection of the environment.”

Accordingly, the subsidiary application of civil law norms became universal with only this difference that in some cases subsidiary application required a direct statutory indication, while in other cases it was sufficient for the subsidiary application of the norms of the Civil Code if there were gaps in the legislation.

Another important innovation of the 1991 Principles was the statement—made for the first time—that property relationships regulated by civil law were characterized as based on equality (Art.1, para.1). Also, there was a change in the presumption concerning personal non-property relationships not connected with property relationships: according to the 1961 Principles and, in their wake, the 1964 Civil Code, civil law only extended to such relationships in cases where this was provided by law (Art.1, Principles; Art.1, RF Civil Code); according to the new Principles, such relationships were also to be regulated by civil law in so far as the law did not provide otherwise or it was not required

"Гражданское законодательство не распространяется на отношения собственности, основанные на административном или ином публичном праве подчинения одной стороны другой, в том числе налоговые и другие бюджетные отношения [...]"

В то же время, в статье 1, пункте 3 поставлено условие:

" Гражданское право применяется к семейным и трудовым отношениям и отношениям, касающимся использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, обладающими характеристиками, указанными в пункте 1 этого положения, когда эти отношения не регулируются соответственно семейным или трудовым законодательством или законодательством по вопросам использования природных ресурсов и охраны окружающей среды " .

Соответственно, субсидиарное применение норм гражданского права стало универсальным с той лишь разницей, что в некоторых случаях субсидиарного применения требуется прямое указание законом, в то время как в других случаях достаточно дополнительного применения норм гражданского кодекса, если имеются пробелы в законодательстве.

<p>by the nature of the personal non-property relationship concerned</p> <p>Property relationships based on administrative power and subordination remained outside the scope of civil law; fiscal and budgetary legal relationships were mentioned only as examples of such relationships.</p> <p>Finally, the following was of great importance: civil law could be extended to certain relationships based on administrative power and subordination. This was proclaimed for the first time in the Principles (and the Civil Code), although the legislator had practiced this extension before.</p> <p>Article 407 of the 1922 Civil Code did, in fact, refer to an obligation to compensate damages for harm caused by administrative authorities—at least if this had been provided specifically by law.</p>	<p>·Еще одним важным нововведением Принципов 1991 года стало сделанное впервые заявление о том, что имущественные отношения, регулируемые гражданским законодательством, были охарактеризованы как основанные на равенстве (ст.1, пункт 1). Кроме того, произошло изменение в презумпции в отношении личных неимущественных отношений, не связанных с отношениями собственности: в соответствии с Принципами 1961 и, вслед за ними, с Гражданским кодексом 1964 года, гражданское право распространяется на такие отношения только в тех случаях, когда это предусмотрено законом (ст.1, принципы, ст.1, Гражданский кодекс РФ)²; в соответствии с новыми Законами, такие отношения также должны регулироваться гражданским правом постольку, поскольку закон не предусматривает иного или этого не требует природа личных неимущественных отношений.</p> <p>Отношения собственности, основанные на административной власти и подчинения, оставались вне сферы гражданского права; налоговые и бюджетные правоотношения были упомянуты лишь в качестве примеров таких отношений.</p>
---	---

Such legislation was, for instance, the decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of 28 March 1927, which constituted a comprehensive law on requisition and confiscation,¹⁴ or the decree of the same bodies of 16 January 1928 "On Liability for Losses caused by Intervention of State Organs in the Activities of Co-Operative Organizations".

But already in Article 446 of the 1964 Civil Code, at least with regard to harm caused to citizens by administrative officials, such liability—within the framework of civil law—was presumed and consequently arose always, except in cases especially provided by law.

The 1994 Russian Civil Code was drafted and adopted in a period in which ideological limitations were definitively laid aside, including those concerning the division of law into public and private spheres. It is no coincidence that, precisely in this period, there was a clear renaissance of the concept of private law. A significant role in this

И, наконец, большое значение имело следующее: гражданское право может быть расширено для определенных отношений, основанных на административной власти и субординации. Это было провозглашено впервые в Основах (и Гражданском кодексе), хотя законодатель раньше применил на практике это расширение.

Статья 407 Гражданского кодекса 1922 года, по сути, относилась к обязанности возместить ущерб за вред, причиненный административными органами, по крайней мере, если это было предусмотрено конкретно законом.

Таким законопроектом было, например, Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 марта 1927, которое представляло собой всеобъемлющий закон о реквизиции и конфискации,¹⁴ или постановление одних и тех же органов от 16 января 1928 "Об ответственности за убытки, причиненные вмешательством государственных органов в деятельность кооперативных организаций".

Но уже в статье 446 гражданского кодекса 1964 года, по крайней мере, в отношении вреда, причиненного гражданам

<p>process was played by Professor Alekseev. Apart from other things, he was closely involved in the setting up of the Research Center for Private Law, which headed the preparatory work on the new Civil Code of the Russian Federation.</p>	<p>административными должностными лицами, такая ответственность, в пределах рамок гражданского права, предполагалась, и, следовательно, возникала всегда, за исключением случаев, особо предусмотренных законом.</p> <p>Русский Гражданский кодекс 1994 был разработан и принят в период, в котором идеологические ограничения были окончательно убраны, в том числе те, что касались разделения права в государственной и частной сферах. Не случайно, что именно в этот период наступило отчетливое возрождение концепции частного права. Значительную роль в этом процессе играет профессора Алексеев. Помимо всего прочего, он был тесно связан с созданием научно-исследовательского центра частного права, который возглавлял подготовительную работу по новому Гражданскому кодексу Российской Федерации.</p>
--	--